

Консерватизм и политические партии в современной России

*Консерватизм в современном идеологическом пространстве страны*¹. Известно, что идеологическое кредо Президента Российской Федерации выражается понятием «консерватизм». Любимый концепт Председателя Правительства Российской Федерации – «консервативная модернизация».

Одним из основных институтов государственной власти в России (наряду с Президентом РФ, Правительством РФ, Судами РФ) выступает парламент – Федеральное Собрание, которое является представительным и законодательным органом Российской Федерации. Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

Немного арифметики. В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации VI созыва, депутаты которой в 2011 году были избраны по пропорциональной системе (то есть по партийным спискам), представлены четыре политические партии, две из которых прямо заявляют об идеологической приверженности российскому консерватизму («Единая Россия»²) и русскому национализму (Либерально-демократическая партия³). Фракция партии «Единая Россия» имеет в своем составе 238 депутатов, фракция ЛДПР – 56. Таким образом, 65,32% общего числа депутатов, принимающих федеральные законы, а также участвующих в формировании правительства страны и контроле его деятельности, позиционируют себя как «русские консерваторы» и «русские националисты». Далее: по состоянию на начало августа 2014 года в РФ было официально зарегистрировано 77 политических партий⁴, из которых 69 обладают правом участия в выборах⁵. Кроме того, зарегистрированы 63 ор-

¹ В основу статьи положены выступления автора на обучающем семинаре для сотрудников Управления Президента РФ по внутренней политике и Управления Президента РФ по общественным проектам 13 февраля 2014 года и на втором Форуме «Бердяевские чтения» 2 сентября 2014 года.

² См.: Выступление Председателя Высшего совета Всероссийской политической партии «Единая Россия», Председателя Государственной Думы Бориса Грызлова на XI съезде. URL: <http://gryzlov.ru/index.php?page=publications&id=444>

³ «Наша партийная идеология направлена на объединение всех патриотических сил русской нации для национального возрождения страны... ЛДПР сразу же определила в качестве важнейшего своего концептуального постулата идею патриотизма, центральной частью которого стала защита русского народа» // Идеология ЛДПР / Под общ. ред. В.В. Жириновского. М., 2010. С. 4–5.

⁴ Министерство юстиции РФ. Список зарегистрированных политических партий. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>

⁵ Центральная избирательная комиссия РФ. Зарегистрированы Минюстом России, но правом участия в выборах не обладают 8 политических партий. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/sved_min_yust.doc

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: jants@yandex.ru

ганизационных комитета, ставящих целью создать политическую партию¹. Из 77 действующих политических партий порядка 20 можно назвать консервативными, так как в своих программных документах они декларируют те или иные консервативные принципы и ценности. Среди остальных порядка 15 «околоконсервативных» и «неконсервативных» партий осознанно или неосознанно используют в партийных документах консервативную риторику².

Если к этому добавить Общероссийское общественное движение «Общероссийский народный фронт», объединившее единомышленников Президента России³, то масштабность присутствия консерватизма в современном идеологическом и политическом пространстве страны возрастет еще больше.

Смею утверждать, что многие идеологи и теоретики консервативных, традиционалистских, националистических, патриотических и других партий не всегда четко представляют себе, что же, собственно, такое «консерватизм», какова иерархия консервативных ценностей, и практически всегда слабо ориентируются в пространстве интеллектуального богатства русской консервативной социально-политической мысли, формировавшей эту иерархию консервативных ценностей. Более того, и в этом я полностью солидарен со своим коллегой А.В. Репниковым, каждая политическая сила вкладывает в понятие консерватизма «содержание, которое ей выгодно в него вкладывать в данный момент» [9].

Для многих партий ритуальными стали фразы о «государственности» и «патриотизме». Как мантры, звучат лозунги, подобные этим: «Наша цель – обновленная сильная Россия!», «Родина, Семья, Честь, Патриотизм, Духовность», «Сохраним себя, сбережем семью, возродим Россию» и т.п. На страницах партийных программ можно встретить термины «российский консерватизм», «либеральный консерватизм», «консервативный демократический социализм», «левый консерватизм», «социальный консерватизм», «либерал-консерватизм», «неоконсерватизм», «здоровый консерватизм», «гражданский национализм». В этих программах речь идет не просто о консервативной идеологии, но о «национально-патриотической идеологии», об идеологии «российской имперской демократии», о «казачьей идеологии» и пр.

¹ Министерство юстиции РФ. Сведения о «действующих» организационных комитетах. URL: http://minjust.ru/sites/default/files/ok_ddlya_sayta_na_12.08.2014.docx

² Примером таких «околоконсервативных» партий могут служить те партии, которые не относят себя к консервативному направлению, но апеллируют в своих программах к «традиции», «нравственным принципам, соответствующим традициям России», «духовности», «любви к Родине» и пр. См., например, программы Общероссийской политической партии «Народ против коррупции» (http://party-npk.ru/party/docs/?ELEMENT_ID=11), Всероссийской политической партии «Российская партия садоводов» (<http://www.izbiraem.ru/party/i/244>), Всероссийской политической партии «Женский Диалог» (<http://partiyawd.ru/index.php/about-us/program>), и др. Ярким примером «неконсервативной» партии, пытающейся в своих программных документах что-то сказать о консерватизме, выступает «внеидеологическая» Всероссийская политическая партия «ЧЕСТНО /Человек. Справедливость. Ответственность/», которая для «улучшения жизни простых людей» собирается применять «различные меры: консервативные (например, для консервации бесплатности образования и бесплатности здравоохранения)» (<http://partiyachestno.org/o-nas/o-partii/>). В этом ряду и «демократическая» политическая партия «Молодая Россия» – партия «радикальных неотехнологов», отвергающая «идеологическое деление на всевозможных либералов, консерваторов, коммунистов, социалистов и т.д.», но свой перечень «базовых ценностей» открывающая ничем иным, как «целостностью нашей страны, ее традициями», и ратующая за выступление против тех, «кто пытается извне грубо вмешиваться во внутренние дела» (<http://molross.ru/MOLROSS/Programma.html>).

³ См.: Общероссийский Народный фронт. Манифест. URL: <http://onf.ru/structure/documents-1/>

Возникает вполне закономерный вопрос: откуда берутся такие «идеологические» основы? На мой взгляд, в данном случае может быть только два варианта их появления. Либо их создатели, совершенно не понимая сути консерватизма, изобретают то, что с ним не всегда соотносится. Либо мы имеем дело с открытиями в политической науке. В последнем случае авторы этих программ должны дать развернутое научное обоснование своих нововведений. Хотелось бы верить, что те, кто включает в программы эти и подобные им термины и понятия, могут легко растолковать непросвещенному читателю их суть. Если же партийные теоретики и идеологи не могут научно обосновать вводимые ими новые понятия, очевидно, что деятельность этих партий обречена на провал¹.

Отталкиваясь от факта масштабного присутствия консерватизма в идейно-политическом пространстве нашей страны и неопределенности его трактовок действующими политиками и партстроителями, затрону несколько вопросов и сюжетов, касающихся феноменологии консерватизма² и, на мой взгляд, важных в контексте описания консерваторов и консерватизма как явления.

Вопрос первый. Что такое консерватизм? В зависимости от различных истолкований самого феномена консерватизма обосновываются различные подходы к решению этого, казалось бы, простого вопроса. Весь спектр истолкований можно свести к двум основным случаям. Первый случай истолкования – когда консерватизм рассматривают преимущественно как политическую идеологию, в конечном счете отождествляемую с консерватизмом политических партий. Это узкая трактовка. И должен заметить, что, конечно же, объективные основания для такой узкой трактовки имеются. Ведь институционально оформленный политический консерватизм всегда выступает логическим завершением консервативного мироощущения. Но ситуация гораздо сложнее. Очевидно, что расширительная трактовка консерватизма, представляющая его как универсальное явление, включающая в себя характеристику консерватизма и как способа (стиля) мышления, и как политической идеологии, и как комплекса поведенческих установок, и даже как моды, – такая трактовка (или «второй случай истолкования») более оправдана и соответствует реальности.

Вопрос второй. Что лежит в основе консерватизма? Общее, присущее данному феномену на разных точках исторической и географической системы координат, – это, на мой взгляд, оптимальные непатологические психологические реакции, вызывающие глубокие охранительные консервативные чувства и стремления. Никто не отменял и не может отменить, например, элементарных социально-психологических явлений контрсуггестии и контр-контрсуггестии; никто не может уничтожить механизмов социальной репродукции, противоположных инновациям; никто, наконец, не может отрицать силы ретроградного стремления человека, в каждый момент жизни всегда стоящего на пороге неизвестного. Это – ретроградное стремление опереться на что-то прочное и незыблемое – а таковым неизменно оказывается Прошлое (не случайно поэты его называют «хранителем надежности

¹ Некоторые партстроители в этом плане «облегчают» себе жизнь, демонстрируя идеологическую всеядность. Например, как нескромно считают авторы программы политической партии «Города России», она «строится на переосмыслении передовой политической мысли всех общественно-политических движений и организаций, существующих сегодня в России и мире. Наша программа объединила в себя все достойные программные положения и установки большинства политических партий РФ независимо от их идеологической окраски». URL: <http://ppgross.ru/part-programm.html>

² Термин «феноменология» здесь применен в широком смысле как описание явления, каким оно является в сознании

бытия»). В этом отношении консерватизм представляется своеобразной защитой от непредсказуемости реального мира¹.

Рефлексивный же, или «теоретический», консерватизм – это некий сплав очень разных, хотя и имеющих общий стержень тем, мотивов, настроений. В первом приближении «стержень» этот включает следующую аргументацию. Во-первых, защиты традиционных ценностей; соблюдения их иерархии; уважения авторитетов, дисциплины, морали, норм и обязанностей индивида, уважения основных общественных институтов – семьи, государства, Церкви, школы, армии. Во-вторых, культурного кризиса, который трактуется как ослабление традиционных связей, духовно-нравственных ценностей, этических и эстетических норм и других основ, на которых покоится общество. В-третьих, идеи необходимости социальной стабильности. Пафосом консерватизма становятся осторожность, недоверие к новациям; тяга ко всему устоявшемуся, стабильному, к порядку; желание иметь гарантированную уверенность в завтрашнем дне и одновременно с этим неприятие экстремизма и приспособление к меняющимся условиям.

Проблема определения консерватизма. Существующий разброс оценок и мнений о природе консерватизма в значительной степени обусловлен трудностью его содержательного определения, что объясняется по меньшей мере двумя наиболее общими причинами методологического характера.

В подавляющем большинстве теоретики консерватизма склонны считать себя прежде всего прагматиками, отрицающими значимость абстрактных рецептов в политике и сосредоточивающими все свое внимание на конкретных механизмах урегулирования тех или иных проблем в условиях общественных кризисов. Жизнь много богаче «голологических» умствований (термин Ап. Григорьева). Реагирование на реальные вызовы жизни, а не «построение» чего-то в соответствии с априорными схемами – суть консервативного действия. Консерватизм, следовательно, воспринимается не просто как идеология, но как подход к политике, ее оценка. Соответственно этому в каждом отдельном случае содержание консервативной программы или теории ставится в зависимость от требований эпохи, в результате чего вариантность объектов консервативной фиксации увеличивается. В свою очередь увеличивается и число характеристик и признаков консервативного идейно-духовного комплекса.

На вышеуказанную проблему разнообразия конкретно-исторических типов консерватизма накладывается не менее сложная проблема его «трансляции» на инонациональный язык. Поясню – в отличие от универсальных и интернациональных идеологий социализма или либерализма, консерватизм всегда представляет собой сугубо национальное явление, что с присущей ему прямотой четко сформулировал еще К.Н. Леонтьев: «...охранение у всякой нации свое, у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один...» [4, с. 362].

Консерватизм и традиция. Один из авторитетных исследователей утопии и традиции – польский социолог Ежи Шацкий – показал, что для консерваторов их идеология имела «три значения: была защитой или существующего положения вещей, или исторической непрерывности, или же какого-то положения в прошлом, признаваемого идеальным» [13, с. 370].

¹ Консерватизм отдельного конкретного человека всегда ретрограден – он всегда обращен в прошлое. Почему? Все очень просто. Прошедшее, будущее, настоящее – не что иное, как абстракции объективного времени (измеряемого отрезками пути небесных тел), и имеют смысл лишь для осознающего время человека, но не для человечества, живущего «исторической жизнью» лишь последние 16 минут из «суток» (550 тыс. лет), проведенных человеком на планете Земля.

Действительно, главным определителем для всех разновидностей консервативной мысли является положительное отношение к прошлому, опора на историческую традицию. Здесь, наверное, нужно сказать, что понимается под традицией. Определяя традицию, я воспользуюсь дефиницией, которую дал Шацкий: традиция – это «те образы ощущений, мышления и поведения, которые ввиду их... принадлежности к общественному наследию группы оцениваются ее членами положительно» [13, с. 386].

Подчеркну, что всегда сам факт возникновения пристального внимания к традиции свидетельствует о том, что существует определенная угроза социальному порядку, освященному временем, – и этот порядок нуждается в защите и требует рационального осмысления происходящего.

Консерватизм и теоретическая рефлексия. Еще один исследователь – Карл Манхейм – связал консервативную ориентацию с пафосом «обусловленности» сознания [6, с. 193]. Немецкий социолог различает два вида консерватизма: «с одной стороны, более или менее универсальный, а с другой – определенно современный, являющийся плодом определенных общественных и исторических обстоятельств» [6, с. 593]. Если первый вид Манхейм назвал традиционализмом, то второй – собственно консерватизмом, который есть «в сущности... прежде всего сознательный традиционализм» [6, с. 601], то есть консерватизм рефлексивный, выступающий в сознательной оппозиции к нарушившему традиционный уклад идейному движению. Действительно, традиционное сознание само по себе не предрасположено к теоретизированию, и лишь противодействующее ему «движение оппозиционных слоев и их стремление взорвать существующий порядок как бы извне воздействует на консервативное сознание, заставляя его... осмыслить историческую роль» [6, с. 194]. Иначе говоря, определенная внешняя среда заставляет консерватизм рефлексировать. Хотя до этого человек, адаптировавшийся к данным реальным обстоятельствам, не делал их объектом теоретических размышлений и принимал окружающее как часть общего миропорядка, не содержащего каких-либо проблем. В последнем случае консервативное сознание пребывает в плоскости скрытого существования, в сфере «неосознанных возможностей свершения» [6, с. 194] и воздействует на общество как нечто потустороннее – в качестве веры, религии, мифа.

Появление консерватизма как социального течения и типа теоретической рефлексии над политикой означает, что в политической практике все отчетливее прослеживается присутствие двух масштабных целостных тенденций, из которых одна ориентирована на форсирование общественных изменений, а другая сдерживает их. Замечу, что сам Манхейм не сводил эти изменения к исключительно политическим, а рассматривал их в масштабах измерения духовной культуры, мировоззрения, психологии данного общества.

Сущность или характерные признаки консерватизма. Традиционно проявление консервативной интенции связывается с конкретным историческим фоном – реакцией на Французскую революцию. Однако, на наш взгляд, важно не только то, что консерватизм есть реакция на революцию и Просвещение, ей предшествовавшее, но и то, что он появился как сознательное оппозиционное движение, выросшее на неприятии буржуазно-либеральной идеологии.

Что касается Просвещения – замечу, что тысячелетие, а может быть и больше, человечество жило прошлым, наука и общественное знание были в буквальном смысле слова «ретроградными», так как самой достоверной считалась наиболее древняя доктрина, учение, идеология, а возраст был синонимом мудрости. Ортодоксальность, выраженная формулой: «то, чему верили везде, всегда и все», обращенность в глубь веков, продержались до XVII столетия как непререкаемая основа для научных поисков. Характеризуя Просвещение, Алексей Федорович Лосев указывал на лозунг «знание без веры», на вероучение о

«всемогуществе знания», на «постоянное упование на науку», на слепой догмат «в знании – сила», на механицизм и машинную культуру, ставшие составными частями «новоевропейского духа», пронизанного рационализмом и индивидуализмом. Просветительский миф о всемогуществе знания, – подчеркивал он, – оказывается не чем иным, как «буржуазным мифом»¹. Добавлю, что именно в «век Просвещения» (в философии от Декарта) наука обратила свои взоры в будущее, притом настолько решительно, что по отношению к прошлому выработалось чисто обывательское пренебрежение, выраженное формулой «чем старее, тем ошибочнее (глупее)».

Сущностью любого консервативного течения XIX века является *охранение старых, традиционных начал*, которым грозит гибель со стороны новых, разрушительных тенденций развития общества.

Классический консерватизм прошлого признает необходимость фактического и юридического неравенства людей, сохранения сословий и привилегий господствующих или ранее господствовавших классов и социальных групп. Для консервативных теорий и концепций характерны теологическое и натуралистическое обоснования философских и социологических позиций, ссылки на божественную и естественную природу охраняемых ценностей. В представлениях консерваторов общество и государство являются естественными органическими образованиями, где нарушение и диссонанс в одной части вызывают болезненный отклик всего социального организма.

Это все о первом признаке консерватизма. Теперь о признаке втором. Это – *естественноисторическая объективность*. Теоретики консерватизма в идейной борьбе против просветителей сумели вскрыть метафизическую ограниченность их рационалистических, априорных построений, выдвинули исторический подход для объяснения природных и общественных явлений. Этот подход, носивший натуралистический и фаталистический характер, отрицал правомерность революций, любых насильственных действий, направленных на изменение существующего порядка. Консервативное направление противопоставило интернациональным и космополитическим позициям своих противников из революционного и либерального лагеря идеи национальной самобытности, культурного своеобразия, охранения традиционных национальных начал от разрушения инонациональными и космополитическими веяниями.

И, наконец, третий сущностный признак консерватизма. Консерватизму присуща *установка на «реальное историческое делание»*. Приверженцы консерватизма испытывают недоверие к абстрактному, далекому от конкретных жизненных обстоятельств теоретизированию. Это не значит, что идеологи консервативного направления не создают развернутых теоретических построений и концепций, но даже консервативные утопии имеют практическую социально-политическую направленность. Такая установка консерваторов во многом обусловлена их реальной причастностью к сфере управления. Мироззренчески она вытекает из понимания ими политического процесса как управляемого «сверху», что находит выражение в апелляции к силе и авторитету государства и других надличностных социальных институтов как регуляторов этого процесса.

Специфика русского политического консерватизма. Что касается русского политического консерватизма прошлого, то наряду с вышеперечисленными чертами в ряде случаев его концептам были свойственны романтические и уто-

¹ А.Ф. Лосев утверждает, «что как все мышление после Средних веков есть либерализм и гуманизм, как вся социально-экономическая жизнь этих веков основана на отъединенном индивидуализме, т.е. оказывается капитализмом, и на рационализме, т.е. оказывается машинной культурой, так миф о всемогуществе знания есть всецело буржуазный миф» [5, с. 501].

пические формы. Обуславливалось это прежде всего тем, что русские консервативные концепты питались религиозными, историософскими, социальными идеями и им не хватало политической автономной рациональности, характерной для западноевропейской мысли [7].

Приведу конкретный пример консервативного видения взаимоотношений власти и народа. Славянофил Константин Сергеевич Аксаков считал, что «Государево дело» – это «все дело управления государственным, и внешнего и внутреннего, – и по преимуществу дело военное, как самое яркое выражение государственной силы». Поясняя существо этого дела, Аксаков предлагает замечательный образ стражи, охраняющей храм, где совершается богослужение (стража здесь – правительство, а молится – народ)¹.

На мой взгляд, подобный утопизм обуславливался не только и не столько внутренней логикой аргументации или фантастичностью политических идей, сколько акцентом на роли моральных установок².

К этому нужно добавить, что русская консервативная традиция не выработала сколько-нибудь «устоявшегося», единого философско-политического основания, в рамках которого она могла бы рассматриваться как консолидированное идейно-политическое течение.

Неоднородность русского консерватизма. Можно утверждать, что сущность русского консерватизма выражалась известной триадой: «Православие. Самодержавие. Народность». В связи с этим целесообразным представляется условно разграничить имевшие в России XIX века место консервативные течения по акценту на той или иной составляющей триады. Первое направление – это направление, для которого самым важным представлялась защита самодержавия, государственно-хранительное (его часто отождествляют с «казенным патриотизмом», «официозно-бюрократическим» консерватизмом, что не совсем верно). Среди его представителей можно назвать, например, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, М.Н. Каткова. Второе – направление, для представителей которого – славянофилов, почвенников, панславистов и других – характерен акцент на народности, «племенном начале». Третье направление, главным объектом охранения которого было православие, – православно-хранительное, представленное прежде всего творчеством К.Н. Леонтьева и клерикальных кругов. Можно, конечно, провести и более дробное деление внутри каждого выделенного крыла. Отношения между разными направлениями и течениями были сложными и неоднозначными. Нет ничего удивительного в том, что русские консерваторы часто расходились во взглядах со своими, казалось бы, идейными соратниками и открыто полемизировали друг с другом (в частности, М.П. Погодин критически оценивал политическую историософию Н.М. Карамзина, а К.Н. Леонтьев, хваля М.Н. Каткова за государственническую позицию, критиковал его за «уступки» либерализму, за недостаточное понимание сложности переживаемого Россией времени). Слишком глубоки были различия между ними по ряду принципиальных вопросов. Ситуация эта объясняется тем, что русский консерватизм XIX века неоднороден, отсюда и полемика среди самих консерваторов. Таким образом, подход, основанный на анализе русского консерватив-

¹ «Подвиг общественный для правительства заключается в том, что оно обеспечивает для народа нравственную жизнь и блюдет его духовную свободу от всяких нарушений. Высокий подвиг совершает тот, кто бодрственно стоит на страже храма в то время, как в нем совершается богослужение и воссылается общественная молитва, – стоит на страже и отстраняет всякое враждебное нарушение от этого молитвенного подвига» [1].

² Именно сложность трансформации моральной установки в норматив практической политики, несоизмеримость самих масштабов нравственного императива и реальных возможностей государственной политики и имели своим следствием схематизм и дидактику многих концепций русских консервативных мыслителей.

ного лагеря как чего-то целостного и единого, представляется некорректным. Понимание этого позволяет более детально разобраться во взаимоотношениях представителей и течений консервативной ориентации и актуализировать именно те аспекты их творчества, которые могут быть полезны для формирования современной идеологии политического консерватизма.

Консервативная идеология и современность. Если «консервативный» акцент на роли моральных установок существует вне времени и его не нужно обсуждать, то консолидация современного российского консерватизма на едином основании становится задачей дня. Стране, то есть людям и государству, нужна целостная, внутренне не противоречивая идеология. Идеология как форма организации коллективного сознания – это то, что в *статике* обозначает системные принципы взаимодействия социальных групп и институтов, отграничение «своего» и «чужого», то есть устранение проблем самоидентификации как для отдельных людей, так и для общества в целом, а в *динамике* обозначает цель, средства и способы ее достижения, то есть смысл общественного развития. При этом идеология ставит четкие рамки того, что можно, а чего нельзя делать в обществе (общие идеологические принципы воплощаются в нормы права, соблюдение которых становится законом для граждан и институтов, поддерживается силой государства, принуждающего к их соблюдению). В идеологии в концентрированном виде аккумулируются ценности, то есть то, что значимо для людей, полезно, то, чем желательно обладать или же к чему нужно стремиться. Системы ценностей, выстроенные в определенном порядке, или иерархия ценностей, составляет значимое ядро каждой политической идеологии, маркирует ее и отграничивает от других идеологий. Все это справедливо и в отношении идеологии консерватизма, значение которой для современной России чрезвычайно велико.

Русская интеллигенция и консерватизм. Главную роль в формировании идеологии обычно отводят интеллигенции. Замечательный итальянский писатель и философ Умберто Эко очень верно заметил, что «русское понятие „интеллигенция“ не подходит под европейский термин *intelligenza*», который употребляется часто иронически, для обозначения категории людей, беспрерывно вылезаящих с поучениями (по-французски *maître à penser* – мэтры общественного мнения) [см.: 17]. Одна из широко признанных дефиниций интеллигенции определяет ее как образованную, мыслящую часть общества, влияющую на формирование общественного сознания и претендующую на роль духовной элиты [см. подр.: 16].

При этом отечественная интеллигенция, как и ее духовные вожди, часто рассматривалась и рассматривается в русской культуре как своего рода интеллектуальное «сектанство», характеризующееся специфической идеологией и моралью, особым типом поведения и бытом, физическим обликом и радикальным умонастроением, неотделимым от идейно-политической нетерпимости. Соответствующий облик интеллигенции сложился в результате ее идейного противостояния (в лице радикально настроенных поборников демократии в России) русскому самодержавию. Интеллигенция ассоциировалась уже не с аккумуляцией всех достижений отечественной и мировой культуры, не с концентрацией национального духа и творческой энергии, а скорее с политической «кружковщиной», подпольной, заговорщицкой деятельностью, с этическим радикализмом, тяготеющим к революционности (вплоть до террора). Принадлежность к интеллигенции тем самым означала не столько духовное избрничество и универсальность, сколько политическую целенаправленность – фанатическую одержимость социальными идеями, стремление к переустройству мира в духе книжно-утопических идеалов, готовность к личным жертвам во имя народного блага.

Здесь не могу удержаться, чтобы немного не снизить героический пафос. Когда говорят о жертвенности русских радикалов, мне сразу вспоминается гротескный образ Васисуалия Андреевича Лоханкина, созданный фантазией писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Персонаж их сатирического романа «Золотой теленок» был выгнан из пятого класса гимназии «за неуспешность», никогда нигде не работал, «сидел на шее» у жены – то есть вел исключительно «интеллектуальный» образ жизни и потому причислял себя к социальной прослойке интеллигенции. Подолгу простаивая перед книжным шкафом (в котором «по ранжиру вытянулись дивные образцы переплетного искусства»), он думал: «Рядом с этой сокровищницей мысли делаешься чище, как-то духовно растешь». Поротый на кухне соседями по коммуналке, Васисуалий во время экзекуции вполне «интеллигентски» (по мнению наших великих сатириков) размышлял: «Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва... Может быть, так надо. Может быть, именно в этом великая сермяжная правда».

С таких позиций, «русская интеллигенция» представляется фантомом, выдумкой людей (журналиста Боборыкина и его предшественников¹), этим термином обозначивших феномен радикальной молодежи – «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и недоучек-дилетантов», невежд, забывших Бога и собирающихся «строить новое общество... на крови и в грязи» [8, отдел III, с. 19, 135], и их вождей – «нахватавшихся вершков журналистов», бессмысленно отрицающих все существующее во имя фантастического будущего, уподобляющихся «мухам, гадящим картину великого художника» [12, с. 19]. Процитированные слова Михаила Петровича Погодина и Бориса Николаевича Чичерина кому-то могут показаться несправедливыми, но они четко фиксируют то обстоятельство, что в русском общественном сознании того времени слово «интеллигент» имело ругательный оттенок, а здравомыслящие люди не считали возможным так себя именовать.

Возникает вопрос «почему?». Да потому, что цвет русской нации составляли не революционеры различных мастей, как нас учили семьдесят лет, а как раз те самые «хранители», консерваторы и государственники, олицетворявшие интеллектуальное средоточие «русского народного духа» [15, с. 217 и сл.].

«Оппозиционность» консерватизма. Консерваторы не менее радикалов осознавали и переживали раскол русского общества на две субкультуры – бюрократическую «немецкую» (от слова «немой», чужой) и общинно-мирскую крестьянскую (христианскую, православно-русскую). Если мы внимательно прочтем то, что писали так называемые охранители, если мы попытаемся понять то, к чему они стремились, то с удивлением обнаружим в их творчестве и гражданской позиции явный элемент оппозиционности существующей власти. Более того, практически все русские мыслители (от Николая Михайловича Карамзина до Льва Александровича Тихомирова) изображали идеальную монархию, отталкиваясь от критического отношения к реальному воплощению современного им российского самодержавия.

Однако в противовес нигилизму недоучившейся молодежи, оппозиционность их была конструктивной и в аргументации отличалась опорой на солидную интеллектуальную традицию как западной, так и русской науки; знанием и осознанием социально-политической истории, позволявшим утверждать недопустимость кардинальных инноваций и революционных скачков; трепетным отношением к «домашнему быту русского народа», который хотя и противоре-

¹ Впервые слово «интеллигенция» в русской литературе употребил славянофил И.С. Аксаков в статье «Отчужденность интеллигенции от народной стихии», опубликованной в газете «День» 21 октября 1861 г. [см.: 11, с. 202]. Однако беллетрист П.Д. Боборыкин много лет настаивал на своем приоритете, заявляя, что именно он в 1866 г. «пустил» в русскую журналистику этот термин [см.: 3, с. 129–132, 134–135].

ставлялся быту и духу «цивилизованных европейцев», но оценивался не по шкале «хуже – лучше», подразумевающей необходимость кого-то в чем-то догонять, заимствовать чей-то уникальный опыт и т.п. «европейничанье», а получал право на параллельное существование в качестве особой православной цивилизации. Их оппозиционность онемеченной бюрократической власти поддерживалась мировоззренческой установкой на «органичное» развитие общества, укорененного в национально-русской почве и питающегося отнюдь не теоретическими книжными изысками Вольтеров и Руссо, а потому, в отличие от прожектерства строителей «светлого будущего», нацеленного на конструктивные перемены настоящего.

«Прогрессивность» консерватизма. В свое время Николай Александрович Бердяев, рассуждая о консерватизме, совершенно справедливо заметил: «Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать» [2, с. 122].

В наши дни много говорят о возрождении России. Возрождение предполагает возврат к состоянию дееспособности. Не разрушение, но созидание, сохранение и охранение исконных, базовых, сущностных начал российского общества. От чего? От разрушительного нигилизма, радикализма, реформизма и прочих «измов». В пользу чего? В пользу стабильности, законности и порядка, преемственности традиций и т.п., одним словом – в пользу консерватизма. С точки зрения возрождения Великой России – консерватизм, сохраняющий то немногое, что осталось после череды «великих» российских экспериментов, много прогрессивней нигилистического радикализма декабристов, народников, анархистов, большевиков и нынешних «демократов-либералов».

Это парадоксальное на первый взгляд утверждение о прогрессивности консерватизма требует небольшого историко-политологического объяснения. Когда рассуждают о консерватизме, то расхожим стереотипом является восприятие его приверженцев как противников прогресса вообще, причем не проводится принципиального различия между понятиями «прогресс» и «развитие». Одним из первых в истории русской социально-политической мысли «развел» эти два понятия Константин Николаевич Леонтьев, заявив, что «между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически родственного, даже более: *эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития*» [4, с. 103]. Он доказывает, что «прогресс, то есть последующая ступень истории, ее завтрашний, так сказать, день не всегда носит характер более эмансипационный, чем была ступень предыдущая, чем период истекающий или истекший». В силу этого «*могут стать прогрессом, в свою очередь, и всякие реакционные меры, и временные, и законодательные – раз только меры, освобождающие личность человеческую, достигнут так называемой точки насыщения*» [4, с. 321]. Леонтьев, используя идею прогресса против самих «прогрессистов», настойчиво убеждает своих читателей в том, что «*настало время реакционного движения, если не для всех, то, по крайней мере, для некоторых сторон жизни...*» [4, с. 310]. Эти слова русского мыслителя позапрошлого века необычайно актуальны и в наши дни.

Консервативные ценности и консервативные декларации. Вернемся к современным политическим партиям, декларирующим свою «консервативность». Здесь мы обнаруживаем множество примеров вопиющего несоответствия деклараций этих так называемых консервативных партий собственно консервативным ценностям. Я не буду касаться программных документов партии «Единая Россия», в которых почему-то даже слово «консерватизм» не употребляется¹,

¹ См.: Программное обращение партии; Предвыборная программа партии «Единая Россия» на выборах Президента России; Устав партии «Единая Россия». URL: <http://er.ru/party/program/>; http://er.ru/party/presidential_election/; <http://er.ru/party/rules/>

посмотрим на другие партии, не так тщательно скрывающие свои идеологические предпочтения.

Либерально-демократическая партия в политических документах, в патриотической и националистической риторике своего бессменного лидера воспроизводит одну из основных ценностей консерватизма – «народность», отождествляет себя с русским национализмом. Ратующая за русский народ, за «объединение всех патриотических сил русской нации для национального возрождения страны, для предотвращения превращения ее в полуколонию Запада и для восстановления ее статуса великой державы»¹ ЛДПР, как и консерваторы прошлого [см., напр.: 18], совершенно справедливо ставит на повестку дня русский вопрос² – вопрос о русофобии и ущемлении прав русского народа, провозглашает консервативный лозунг национально-политического единства и целостности страны как основание национальной идеи.

Идеологию партии составляют пять основных принципов – патриотизм, либерализм, демократия, справедливость, правопорядок. При этом абсолютно неконсервативные либеральные, демократические и социалистические принципы в интерпретации партийных теоретиков «волшебным образом» становятся близкими консервативным ценностям сильного, единого и неделимого государства, свободы как результата действий сильной власти, охраняющей и защищающей своих подданных, и даже некоторым образом консервативной идее неоднородности социальной структуры. «Либерализм» превращается в свободу, регулируемую государством. «Демократия» подразумевает превращение России в унитарную республику, «с сильной властью главы государства и сильным парламентом». «Справедливость» отождествляется с «равными социально-экономическими и политическими возможностями и правами», в результате чего все вокруг становятся «средним классом» с дифференцированным материальным положением в зависимости от своего труда, предприимчивости, таланта, способностей и просто удачи»³. Понятно желание партии оттянуть на себя часть голосов избирателей либерального, демократического и социалистического сегментов российского электората. Но зачем отказываться этому «электорату» в здравом смысле, подменяя политические понятия и пытаться манипулировать сознанием граждан?

Еще больше снобизма по отношению к «электорату» демонстрирует Демократическая партия России, воссозданная в 2012 году известным политтехнологом и профессиональным партстроителем А.В. Богдановым. В короткой программе и шаблонном уставе партии, которая ее лидером позиционируется как «консервативная»⁴, нет ни слова не только о консерватизме, но даже упоминания о государстве, власти, церкви, семье, традиции, нравственности и др., то есть нет того, без чего невозможен консервативный дискурс. Суть этой «новой-старой» программы⁵ никак не соотносится с консерватизмом, так как она нацелена на пропаганду и претворение в российскую жизнь политических, экономических и этических принципов Европейского Союза. Сегодня такая цель выглядит просто экзотически.

¹ Идеология ЛДПР / Под общ. ред. В.В. Жириновского. М., 2010. С. 4.

² О русском вопросе см.: Русский вопрос в истории политики и мысли: Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2013.

³ См.: Идеология ЛДПР. С. 15, 16, 18.

⁴ См.: Андрей Богданов в программе «Разворот» радио «Эхо Москвы». 2007. 28 ноября. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/56683/>

⁵ Программа Политической партии «Демократическая партия России», принятая на съезде 5 апреля 2012 г., практически не отличается от принятой на XXI съезде партии 29 января 2008 г. программы «12 шагов в Европу: ориентиры на десятилетие». См.: http://generator-nastroenia.ru/?page_id=199

10 августа 2014 года эта экзотическая программа была заменена на не менее экзотическую программу «Демократическая партия России. Лучше с нами!», состоящую из 171 слова и 12 грамматических ошибок. Согласно этой непонятно кем и когда принятой «программе», теперь ДПР переориентируется не на вхождение России в Европейский Союз, а на борьбу за права крымских татар...¹

В упомянутом уже списке Министерства юстиции РФ находятся и монархические партии, которые по определению должны ориентироваться на консервативные ценности. Однако в реальности дело обстоит иначе. Так, например, наряду с истинно монархической и консервативной партией «Самодержавная Россия», идеология которой ориентирована на известную формулу русского консерватизма «Православие. Самодержавие. Народность», в списке Минюста можно обнаружить некую «Монархическую партию», имеющую, на мой взгляд, фиглярский характер². Эта партия устами своего «вождя» заявляет: «Принципиальное отличие “Монархической партии” от всех остальных заключается в том, что мы не являемся демократической партией». При этом в Уставе партии в перечне ее задач значится политическая поддержка «россиян, заинтересованных в проведении либеральных рыночных реформ и развитии демократии»³. В результате мы видим, что консервативная «недемократическая» партия декларирует поддержку «развития демократии» и «либеральных рыночных реформ». Налицо смешение аксиологических принципов консерватизма и либерализма, опошляющее саму консервативную идею. К подобным «монархистам» в этом плане примыкает политическая партия «Национальной Безопасности России», созданная экс-депутатом А.М. Федуловым, который за свою политическую карьеру сменил уже шесть партий. Его новая партия выступает, ни много ни мало, за «развитие самобытной, самостоятельной российской имперской демократии, первооснову идеологии которой составляют исторические традиции, учитывающие культуру и менталитет россиян, здоровый консерватизм, патриархальность и патриотизм»⁴.

На фоне программ идеологических путаников, может быть, одной из самых интересных для консервативно ориентированного избирателя выглядит Программа Всероссийской политической партии «Партия Возрождения Села». Привлекает внимание то, что наряду с ритуальными «государственностью» и «патриотизмом» в ней воспроизведены два идеологических принципа, близкие классическому русскому консерватизму: опора на сформировавшиеся веками нравственные устои народа и противодействие навязыванию россиянам чуждой их мировоззрению западной культуры⁵. Помимо всего прочего, эта оригинальная программа написана хорошим русским литературным языком.

Примеры можно множить, но сказанного вполне достаточно для предварительного вывода.

¹ Программа Политической партии «Демократическая партия России». URL: http://democrats.ru/?page_id=199

² Примерами политической клоунады могут служить организованный партией фарс на выборах депутатов в Городскую думу и мэра Екатеринбурга в 2013 г.; провозглашение в 2014 г. некоего немецкого принца императором Николаем III, проект создания государства Императорский Престол, на купленных в Черногории 80 га земли, и др.

³ Устав Политической партии «Монархическая партия», п. 5.1.3. URL: <http://minjust.ru/sites/default/files/basetype/2012/07/ustav.doc>. Объяснением, но не оправданием может служить ссылка на некий «типовой устав», которым «монархисты», впрочем, как и многие другие партстроители, некритически воспользовались при создании партии и подготовке ее регистрации.

⁴ Программа политической партии «Национальной Безопасности России». URL: <http://www.izbiraem.ru/party/i/192>

⁵ Программа Всероссийской политической партии «Партия Возрождения Села». URL: http://партиявозрождениясела.рф/программа#_Точ327345672

Как историку мысли мне абсолютно ясна важность аксиологии консерватизма: изучения иерархии ценностей в идеологии российского консерватизма, исследования их исторического генезиса, раскрытия их сущности, значимости для современности, поиска путей и средств их практического воплощения. Систематическое исследование под этим углом зрения богатейшего наследия русской социально-политической мысли XI–XXI веков, тщательный анализ текстов русских мыслителей, фиксация основных консервативных идей и концепций, соотнесение их с практикой исторического движения – все это, на мой взгляд, поможет определить иерархию российских консервативных ценностей, объяснить их актуальность и санкционировать применение в современных условиях.

В конечном счете опора на авторитет отечественной консервативной социально-политической мысли позволит справиться с поверхностностью идейно-теоретических построений тех, кто сегодня называет себя «консерваторами». Только обращение к исторической традиции русского консерватизма, к исторически сложившимся в России консервативным ценностям может придать фундаментальный характер программным установкам современных российских консерваторов, преодолеть их теоретическую разнородность и консолидировать в единое идейно-политическое движение.

Литература

1. Аксаков К.С. Записка о внутреннем состоянии России // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М., 2010.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост., предисл. и примеч. Л.В. Полякова. М., 1990.
3. Боборыкин П.Д. Подгнившие «вехи»: (Конспект публичной лекции) // В защиту интеллигенции: Сб. статей. М., 1909.
4. Леонтьев К.Н. Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М., 2010.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
6. Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М., 1994.
7. Перевезенцев С.В. К вопросу о специфике русской социально-политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22.
8. Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М., 1873.
9. Репников А.В. Русский консерватизм: историографический аспект проблемы // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39080.php>
10. Русский вопрос в истории политики и мысли: Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2013.
11. Соколов К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.
12. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Изд. 4-е. СПб., 1904.
13. Шацкий Е. Традиция. Обзор проблематики // Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск. Общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М., 1990.
14. Ширинянц А.А. М.Н. Катков и М.П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник: Религиозно-философские чтения: К 190-летию со дня рождения М.Н. Каткова. М., 2008. С. 90–103.
15. Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.
16. Ширинянц А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 4. С. 39–55.
17. Эко У. Быть интеллигентом в России – знак противостояния // Литературная газета. 1998. 13 мая. № 1. С. 3.

Аннотация. В статье через призму феноменологии и аксиологии русского консерватизма рассмотрены программы современных политических партий в России, декларирующих приверженность консерватизму. Проанализирована проблематика консерватизма в современном идеологическом пространстве страны; предложены ответы на вопросы о том, что такое консерватизм и что лежит в основе консерватизма; подвергнута рассмотрению проблема определения консерватизма; проведено сопоставление консерватизма и традиции, а также консерватизма и теоретической рефлексии; описаны характерные признаки консерватизма, а также специфика русского политического консерватизма; раскрыта суть неоднородности русского консерватизма и роли консервативной идеологии в современности; продемонстрирована роль русской интеллигенции в формировании консервативной идеологии; показана «оппозиционность» и «прогрессивность» консерватизма; соотнесены консервативные ценности и консервативные декларации политических партий.

Ключевые слова: консервативная идеология, консервативные ценности, политические партии и партстроительство в современной России.

Aleksandr Shirinians, Ph.D in political science and in philosophy, Head of the Chair of History of Social and Political Teachings, Faculty of Political Science, Moscow State University

Conservatism and the Party System in Modern Russia

Abstract. The programs of Russian modern political parties, proclaiming conservative aims are analysed in the article through the patterns of phenomenology and axiology of Russian conservatism. The problem of the role of conservatism in contemporary ideological quest in Russia is discussed; original definitions of conservatism and its basis are proposed; links between conservatism and tradition and theoretical reflection are described; specific features of Russian political conservatism and the sources of its heterogeneity are revealed; accent is put on the role played by Russian intelligentsia in formation of conservative ideology; “oppositional” and “progressive” character of conservatism is marked down; comparison of conservative declarations with conservative values is developed.

Keywords: conservative ideology, conservative values, political parties, party-building in modern Russia.

А.А. Ширинянц. У меня риторический вопрос к Минюсту. В связи со всем тем, что я прочитал: как можно регистрировать программы, состоящие из двенадцати фраз?

Б.И. Макаренко. Когда вы говорили, что в программе «Единая Россия» нет слова «консерватизм», какой из программных документов вы имели в виду? Потому что у «Единой России» сложный набор программных документов. И даже если нет слова, насколько программные документы «Единой России», включая ее платформы на последних выборах, насыщены (или не насыщены) консервативными ценностями?

А.А. Ширинянц. Я пользовался партийными документами, которые вывешены на официальных сайтах партий. Например, приверженность консерватизму прозвучала только в выступлении председателя Высшего совета Всероссийской политической партии «Единая Россия», председателя Государственной Думы Бориса Грызлова на XI съезде, там слово «консерватизм» прозвучало.

Д.А. Юрьев. Одной из важнейших проблем российского консерватизма является текстологическая проблема. Речь идет о текстологических коннотациях, которые нависли над нашим коллективным подсознательным – в связи с тем, что политический дискурс у нас определяют люди примерно нашего возраста, которые все-таки росли в советское время и для которых слово «консерватизм» было одним из синонимов слова «плохой». С кем мы боролись в 1988, 1989, 1991 годах? С консерваторами в ЦК КПСС. Консерваторы осуществили в августе 1991 года «правый реакционный переворот» – это из официального заявления Ельцина, Хасбулатова и Силаева. С этим я столкнулся, пребывая какое-то время в должности в партии «Единая Россия». Тогда как раз был момент заявления этой партией консервативных ценностей, когда Грызлов, который раньше с этим носился в рамках Центра социально-консервативной политики, начал чуть-чуть отходить назад, а вперед вышел Исаев с либерально-консервативной политикой. Потом это стало как-то оформляться и перешло на рельсы Народного фронта. Когда «Единая Россия» на пике политической борьбы 2011 года

начала заявлять либерально-консервативные ценности, многие отследили, до какой степени огульным и грубым был идеологический отпор. То есть никто не спорил по существу. Даже вся идеология борьбы с жуликами и ворами здесь отставлялась в сторону, а цеплялись все – и эсеры, и либералы, и коммунисты – к тому, что это консервы, что это желание всё законсервировать, желание сохранить статус-кво и ничего не менять. И довольно грамотные построения партийной пропаганды просто сошли на нет, это всё было аннулировано.

А.А. Ширинянц. Полностью согласен. Мой друг и учитель Михаил Александрович Маслин лет пятнадцать назад предложил мне термин, который снимает негативные коннотации, – слово «хранительство». В этой связи предлагаю конкретный выход: давайте составим и издадим словарь консервативных терминов, где будет конвенция нашего консервативного сообщества. Любая энциклопедическая вещь – это результат конвенции научного сообщества, и давайте ее продемонстрируем. Если подойти серьезно, то в течение года – полутора можно сделать очень востребованный продукт.

Реплика. Краткий курс политической современности.

А.Ю. Зудин. Мне кажется, что тот подход, который сейчас обсуждается, нам не поможет решить проблему. Разговор о консерватизме в нашей стране – как актуальный разговор, не разговор философов, а разговор политиков – начался так, как он начался. Здесь ничего не поделать, и, наверное, он ни каким другим образом как общественно значимый разговор начаться не мог. Работа над терминами – естественное дело интеллектуалов, и они должны этим делом заняться, а вот содержание актуальных партийных идеологий и партийных программ – это другое. И это другое должно быть изложено языком, на котором сейчас говорит общество. А в рамках этого языка, на бессознательном уровне, консерватизм – это что-то такое замшелое, что-то такое нехорошее, что-то такое, что может означать: начальству хорошо – значит, оставим все, как есть. И партии сейчас продолжают такую, на мой взгляд, не очень плодотворную идеологизацию, в рамках

больших идеологий, в соотношении с концептом консерватизма, – они продолжают выстраивать свои программы и платформы. Плодотворнее – сблизиться с естественным языком, на котором разговаривает массовое сознание, а работу над терминами оставить консервативно ориентированным интеллектуалам. То есть нам.

М.М. Мчедлова. Присоединяюсь к Алексею [А.Ю. Зудину. – *Ред.*]. Все-таки мы забываем основы современной политической теории – о том, что идеология дрейфует на периферию общественного сознания и массовым сознанием уже не воспринимаются целостные идеологические конструкции. Мне кажется, пришло время иных способов внедрения смыслов, более понятных. С другой стороны, Александр Андреевич показал, что, несмотря на большое количество политических партий, они не являются субъектами политического процесса. Не думаю, что имеет смысл делать ставку на эту субъектность в продвижении идеологических конструкций. Эта субъектность скорее всего уже уходит, она должна быть замещена чем-то еще.

О.А. Матвейчев. Если говорить о текстологическом анализе, то полемика вокруг слова «консерватизм» заострена очень сильно. Действительно, нам семьдесят лет говорили, что консерватизм – это нечто плохое. Плюс потом в либеральные 1990-е годы тоже: консерватизм – это нечто плохое. Плюс эта бессознательная коннотация с консервами, с едой бедных, с чем-то несвежим. И в этом смысле наш президент проявил огромную мудрость, когда стал говорить именно о традиционных ценностях. Быть может быть, нам в научном сообществе имеет смысл договориться и термин «хранительство» использовать. Или термин «традиционные ценности», потому что это довольно привлекательное словосочетание, особенно для малых народов, для Кавказа – для них слово «традиция» вообще священо, и для русских оно позитивно звучит.

Э.Г. Соловьев. Мария Мирановна здесь уже озвучила этот парадокс, который всегда меня удивлял. В обществе существует очевидный запрос на консерватизм, на здоровый традиционализм, но при этом партии, которые заяв-

ляли о себе как о консервативных, неизменно, за одним исключением, терпели фиаско и не являлись субъектами политического процесса. Насколько я помню, с середины 1990-х годов, еще под эгидой НДР, начинались эти поиски консервативной идеологии, и сейчас смешно даже вспоминать, что одним из активистов был Владимир Рыжков, который в то время озвучивал идею, дескать, что нам западный консерватизм, давайте свой домостроевский освоим опыт, передовой, исторический. Но года минули, страсти улеглись... Мне представляется, что неудачи партий, начертавших консерватизм на своих знаменах, зачастую связаны с тем, что консерватизм у нас связывается чем-то выгодным для начальства. До тех пор пока консерватизм будет вызывать такие ассоциации, его политическая будущность у нас в стране не слишком блестяща.

Л.В. Поляков. Характерно, что сто сорок – частью партии, частью оргкомитеты – и ни одной заявки на бренд «консервативный». Казалось бы, такой лакомый кусок, но после Убожко никто. Уже упоминалось, что надо отдать должное политической смелости президента, когда он позиционирует себя как консерватор или как прагматик с консервативным уклоном. Вы упоминали, что кроме этих ста сорока партий еще есть Народный фронт «За Россию». Но ведь структура соотношения Путина и ОНФ очень простая: они его избрали лидером, и он не отказался, он лидер. По сути дела, получается так, что партийное пространство бесконсервативно. Говоря более точно, в некоторых документах «Единой России» имеются прямые ссылки на то, что она консервативная партия, но прямое позиционирование себя в качестве консерваторов партия не допускает. Я тоже с этим столкнулся еще в середине нулевых, когда проводили большой семинар с лидерами региональных организаций. Долго убеждали местных лидеров: чего вы стесняетесь называться консерваторами? Они все жались, потом в перерывах, в перекурах говорили: «Вы понимаете, как только мы скажем, что мы консерваторы, у нас половина избирателей убежит». Действительно, получается парадоксальная вещь: консерватизм как политическая идеология дрейфует в сторону формально неполитического движения.

То есть «фронтовики» выступают как практические, деятельные консерваторы, которые независимо от дискуссий, независимо от риторики консервативного и псевдоконсервативного дискурса, реально работают в качестве консервативного и надполитического субъекта. Без понимания этого субъекта судьбу консерватизма в России трудно прогнозировать.

О.А. Матвейчев. На ОНФ я не стал бы уповать. Мне кажется, это довольно-таки социалистический компонент. Набирались люди в ОНФ по принципу всевозможных трудовых заслуг из социальных движений. Они все время выступают за социальную справедливость, мониторят конкурсы, тендеры, так сказать, бодрят власть, чтобы та не застаивалась. Может быть, в идеологии у них и заложен какой-то консерватизм, но я его, честно говоря, не вижу. В этой конструкции консервативным элементом является государство, а они – те самые жуки, чтобы карась не дремал, которые все время следят за государством, воюют с ним, надзирают за ним.

А.Ю. Зудин. Прошу прощения, вы излагаете свою позицию, а я на нее, может быть, слишком эмоционально реагирую. Думаю, что ОНФ – это консервативная сила, в хорошем, здоровом смысле этого слова. Другое дело, что слово «консервативный» – может быть, я ошибаюсь – они не употребляют. Они занимаются конкретными делами. Владимир Путин сделал большое дело – он сломал инерцию, создал определенное пространство возможностей, и это пространство нужно использовать. Поэтому я вновь возвращаюсь к такой постановке вопроса: партийная работа и партийная идеология – это одно, а работа консервативных интеллектуалов, для того чтобы вернуть консерватизму нормальный смысл, – это другое. И эта работа не на год и не на два, к сожалению. Теперь по поводу якобы левизны ОНФ. Не надо путать существующие элиты с государством. Существующие элиты происходят из 1990-х годов и сами подлежат реформе и преобразованию, для того чтобы они соответствовали тому государству, которого взыскует российское общество. У вас была очень плодотворная фраза о работе ОНФ: они бодрят, они стимулируют, чтобы не застаивалось, – вот

главное. И это, как мне кажется, к левым практикам не имеет никакого отношения. Так мы будем видеть левое везде, в любой низовой активности. Низовая активность по содержанию может иметь разную направленность, разный смысл, точно так же, как и понятие справедливости может иметь совершенно разное наполнение. Нужно, как мне кажется, перестать ставить знак равенства между справедливостью и левыми идеологиями и лишиться, наконец, левых монополии на эту ценность. Нельзя идти против 80% российского общества. Большинство в российском общественном мнении против уравнильной справедливости.

И.Е. Дискин. Бердяев много усилий посвятил тому, чтобы объяснить смысл русского коммунизма. Но я хочу напомнить, коллеги: левые сделали то, против чего должно бороться консервативное сознание – они поставили бедных носителями социальной нравственности. И это постепенно перевернуло все социальное видение. Необходимо лишиться левых идеи о том, что бедные есть носители этических оснований и носители социальной справедливости.

М.В. Ремизов. Современный консерватизм, который пытается сохранить политическую актуальность и в Европе, и у нас, как мне кажется, обречен на то, чтобы претендовать на представительство интересов социального, морального и национального большинства, против транснациональных элит. В этом смысле предопределен своего рода союз консервативной и левой повесток дня. Если мы посмотрим на Европу, то там традиционные консервативные партии постепенно теряют свое консервативное ядро, а их повестка уходит к правым популистам типа Национального фронта, которые как раз и выступают за моральное, национальное, культурное, этическое, социальное большинство против транснациональных элит, которые являются источником всяческой заразы. И нельзя, кстати, сказать, что они у нас не являются источником таковой – независимо от того, где они сидят, в государственном управлении или в крупном бизнесе. Теперь теоретический момент. В чем консерватизм Народного фронта? В идее корпоративного представительства. Понятно, что это не

строгое проведенное корпоративное представительство, потому что его строго и невозможно провести в обществе, где весьма подвижная социальная структура, которую очень трудно описать по четкой классовой модели. Тем не менее идея, в соответствии с которой человек ценен для общественной системы как представитель своей социальной правды, является достаточно характерной для консервативной мысли. То есть как носитель некоего абстрактного мнения обо всем человек не интересен консерватору, а как носитель своей конкретной социальной правды – очень интересен. Условно говоря, когда академик Сахаров пишет о том, как надо устроить человечество, Россию, – он неинтересен, а когда он пишет о том, как надо устроить науку, он интересен. Именно с консервативной точки зрения. Потому что он в этом аспекте является носителем определенной социальной правды, определенной социальной компетенции. И корпоративное представительство – это консервативная идея в противовес представительству всеми людьми какого-то абстрактного мнения обо всем, которое оказывается пустышкой и фикцией, потому что обо всем судят люди, которые во всем некомпетентны. Я не говорю, что эта идея стопроцентно истинна, но это вполне соответствует истории консервативной мысли.

Б.И. Макаренко. Я поддержу Иосифа [И.Е. Дискаина. – *Ред.*] с разговором о том, что коммунисты сделали социальную правду низов и бедных эталоном морали. Возвращаясь к консерваторам, помимо божественного обоснования помощи бедным, что справедливо, давайте возьмем светское, которое у здоровых консерваторов на Западе тоже всегда было. Консерваторы создавали работные дома, для того чтобы бедность не принимала характер социальной катастрофы, чтобы люди не умирали от голода и холода. Это было нормальной государственной политикой, найти простое решение для бедных, неидеальное, но именно для того,

чтобы защитить общество. С этого начиналась система социальной помощи и защиты. Возьмем американских консерваторов, почитайте федералистов: практически все авторы в качестве одной из обязательных составляющих этического кодекса консервативного человека, зажиточного, состоятельного, охраняющего традиции, называли помощь бедным, причем не только простой благотворительностью, но и так, чтобы помочь бедному выйти из нужды, найти работу. Все это абсолютно согласуется с консервативной идеологией.

Теперь последнее, возвращаюсь к нам. Как большевики нерыночную систему моральных ценностей, от бедных происходящую, нам навязали, так мы до сих пор из этого не выпрыгнем. Наши исследования примерно десятилетней давности (потом подтвержденные) политических субкультур показывают, что еще пять лет назад все люди – сторонники либеральных взглядов, националистических, прочих – считали, что самые моральные россияне – это сторонники коммунистической идеологии. Почему? Потому что она точно не рыночная, в ней рыночности нет. Россия единственная, наверное, страна, где консерватизм и рыночность не всегда дружат между собой – это одна из проблем современного российского консерватизма.

И.Е. Дискаин. Даю справку. Работные дома возникли как способ борьбы с решениями благотворительности на уровне приходов. Это была попытка рефлексии становления сильного государства.

А.Ю. Зудин. Вопрос в том, что именно понимали россияне, которых опрашивали социологи, под словом «коммунистический». Официальный советский коммунизм – одно, коммунизм Маркса – другое, коммунизм Ленина – третье, а представление россиян о том, что такое коммунистические силы, – четвертое. Поэтому никаких таких быстрых выводов, jumping at conclusions, делать, на мой взгляд, не надо.